

Серж
Бэст

Безмолвие Луны

Серж Бэст

Безмолвие Луны

«Автор»

2026

Серж Бэст

Безмолвие Луны / Серж Бэст — «Автор», 2026

Луна молчит. И тишина эта не пустая — она тяжёлая, будто кто-то стёр все голоса, которые, когда либо звучали над кратерами. Это история про то, как двое брейкдансеров, Максим и Дани собирали утраченный ею голос по эху, по паузе, по такту. Они не кричали, чтобы быть услышанными. Они говорили ритмом. Максим ставил жёсткие, чёткие удары — как слова, которые нельзя пропустить. Дани отвечал импровизацией — как интонацией, которая делает эти слова живыми. Их танец не был трюком и не битвой, он был способом сказать сквозь пустоту: «Я здесь. Слышишь?»

© Серж Бэст, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. На острове Комодо	5
Глава 1. Зона тишины	8
Глава 2. Лунная станция «Эхо»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Серж Бэст

Безмолвие Луны

Пролог. На острове Комодо

На острове Комодо ветер не просто дул — он отбивал такт, и каждый его удар оставлял на скалах невидимую метку. Максим видел эти метки как цифры, Дани — как тени. Но оба знали: если ты попадёшь в этот ритм, остров начнёт тебе помогать.

Площадка из тёмного камня была тёплой даже ночью — будто камень копил в себе шаги всех танцоров, которые здесь бывали. Максим поправил кепку и приложил ладонь к поверхности. Камень тихо вибрировал, как метроном, спрятанный внутри земли. От камня пахло солью и старой пылью, и ещё — чем-то металлическим, будто в порах камня застыл звук.

— Чувствуешь? — спросил Дани. — Он дышит.

Максим хмыкнул, но руку не убрал. Он привык доверять только тому, что можно измерить. Но сейчас ему не нужны были цифры: он чувствовал, как пульс камня совпадает с его собственным, и в груди становилось тесно от этого совпадения.

— Готов? — спросил Максим.

— Всегда, — улыбнулся Дани. — Камень уже стучит.

Музыка ударила, и они начали.

Максим дал первый бит — резкий, как команда. Дани тут же ответил волной, будто растворял эту резкость в движении. Потом Максим пошёл в футворк — быстрый, математически выверенный. Дани подхватил этот ритм и закрутил его в спираль, добавив свой собственный акцент.

Площадка превращалась в страницу: Максим писал на ней твёрдые, рубленые строки, а Дани добавлял к ним курсив, подчёркивания, паузы — и страница начинала звучать.

Вот нога Максима делает резкий стоп-тайм. Тень от ноги ложится на камень, как жирная точка в конце предложения. Звук — глухой, точный удар, как щелчок затвора. От удара по коже пробегает короткая дрожь, будто тело само запоминает этот такт.

Дани делает волновое движение рядом с этой «точкой». Его тень не повторяет форму, она обтекает её, как интонация обтекает слово. В ритм добавляется лёгкий шорох, будто ветер касается струны.

Зал затих. Потому что это был не просто танец. Это был диалог. Как будто один говорил: «Я здесь», а другой отвечал: «Я тебя слышу».

И вдруг случилось странное. На секунду тени на площадке перестали быть просто тенями. Они будто подстроились под их движения: тень от скалы качнулась в такт, тень от пальмы ударила как малый барабан.

Дани почувствовал это первым. Он не остановился — наоборот, он сделал движение чуть медленнее, будто приглашая тень присоединиться. Максим заметил это и изменил рисунок: вместо того чтобы идти против, он начал вести тень, как партнёра.

И тогда площадка ответила. Камень под ногами слегка вибрировал — ровно, как метроном. Вибрация шла не по воздуху, а сквозь подошвы, по костям, и Максим вдруг понял: это не акустика, это физика, и она с ними заодно.

Они закончили номер. Последний удар бита — и тишина. А потом зал взорвался аплодисментами.

Когда им вручали кубок, ведущий сказал:

— Вы сделали невозможное. Вы заставили сам остров танцевать с вами.

Но Дани тихо прошептал Игорю:

— Он не танцевал. Он... разговаривал. Как будто хотел, что-то сказать.

Максим посмотрел на него, потом на камень, потом на небо:

— А мы его слышали.

В ту же ночь, когда огни фестиваля погасли, а на небе зажглись звёзды, к ним подошёл человек в серебристой куртке — с нашивкой, на которой был изображён камертон и полумесяц.

— Я видел ваш танец, — сказал он. — Вы умеете не просто двигаться в ритме. Вы умеете держать связь.

Максим нахмурился:

— Что это значит?

— Это значит, что вы слышите то, что другие пропускают. То, как тень шепчет, как камень дышит, как тишина ждёт, когда её заполнят голосом.

Он протянул им два значка — один в форме камертона, другой в форме лунного кратера.

— Луна сейчас в беде, — тихо сказал он. — Её голос стирается. Не физически, а как память: люди начинают забывать, что она вообще, когда-то говорила с нами. И когда память исчезает, тишина становится не уютной, а пустой.

Дани сразу кивнул:

— Мы поедem.

Максим хотел спросить про графики, про орбиты, про шансы. Но потом посмотрел на Дани, на значок, на звёзды — и просто сказал:

— Когда вылет?

Человек улыбнулся:

— Завтра. И да — на Луне вам не придётся танцевать ради приза. Но вам придётся танцевать, чтобы вернуть голос.

Так Максим и Дани оказались на борту корабля, который нёс их к Луне. И когда Земля стала маленькой точкой, а звёзды — слишком близкими, Максим достал свой старый метроном и щёлкнул.

Раз. Два. Три.

Дани улыбнулся:

— Слышишь? Луна уже отвечает.

И правда: где-то далеко, в глубине космоса, будто отозвался лёгкий, едва уловимый ритм — как эхо того самого удара, который они дали на острове Комода.

Это и был Батл-флоу.

Не битва. Не концерт. А способ держать связь между мирами. Способ сказать: «Я здесь». И услышать в ответ: «Я тебя слышу».

Глава 1. Зона тишины

Путь к Луне — это не просто дорога. Это переход между мирами, когда Земля становится маленькой точкой, а космос начинает говорить с тобой шёпотом звёзд.

Максим сидел у иллюминатора и не отрывал взгляда от панели. Для него полёт был не приключением, а цепочкой точных величин: скорость, угол вхождения, расход топлива, гравитационные поправки. Он держал в руках планшет, на котором бежали графики, и время от времени тихо бормотал себе под нос:

— Всё по плану... Всё по плану...

Рядом, прижавшись к стеклу, сидел Дани. Он не смотрел на цифры. Он смотрел на звёзды так, будто пытался угадать, у какой из них есть имя. Его пальцы оставляли на стекле короткие следы, и эти следы казались Максиму почти детскими — как будто Дани хотел удержать звёзды прикосновением.

— Макс, — прошептал он, — а вдруг Луна нас уже слышит? Прямо сейчас. Как будто мы поём, а она подпевает.

Максим хмыкнул, но не стал спорить. Он знал: с Дани бесполезно спорить про то, чего нельзя измерить. Зато с ним не бывает страшно, даже когда ты летишь туда, где гравитация другая, а тишина — живая.

И тишина здесь была не пустой. Она была плотной, как бархат, и в ней прятались тонкие звуки: тихий гул вентиляции, едва слышное шипение систем, редкие щелчки приборов. Максим привык считать эти звуки помехами, но сегодня они складывались в странный ритм — будто корабль сам себе шептал колыбельную.

Он поймал себя на том, что невольно кивает в такт этому гулу. И тут же одёрнул себя: «Это не ритм. Это фоновый шум». Но в груди что-то отзывалось.

— Знаешь, — тихо сказал Дани, не отрывая взгляда от стекла, — когда мама укладывала нас спать, она не пела громко. Она шептала. И от этого становилось не страшно. Потому что ты точно знал: ты не один.

Максим покосился на него. В горле вдруг стало тесно. Он хотел сказать что-то про децибелы и чувствительность микрофона, но вместо этого просто кивнул.

Их мама, инженер станции «Эхо», встречала их на орбите. Она была из тех людей, которые умеют говорить с техникой, как с живым существом, и с детьми — как с равными. В условиях Земли она долгое время работала семейным психологом.

— Ну что, мои космические исследователи, — сказала она, когда они наконец оказались рядом, — готовы к тому, что Луна будет задавать вопросы?

Дани тут же кивнул:

— А мы будем отвечать шёпотом! Чтобы не разбудить её, если она спит.

Мама улыбнулась:

— Именно так. Луна любит, когда с ней разговаривают уважительно.

Модуль мягко коснулся поверхности. За иллюминатором лежала серая пыль, похожая на застывший туман. Тени от камней тянулись, как длинные пальцы.

— Здесь всё будто слушает, — тихо сказал Дани.

— Или ждёт, — добавил Максим, впервые не глядя в планшет. Он вдруг понял: тишина здесь не враг, который хочет заглушить всё подряд. Она — как пауза перед важным словом. И если ты в эту паузу не ворвёшься криком, а просто скажешь своё «я здесь», тишина ответит.

Глава 2. Лунная станция «Эхо»

Станция «Эхо» встретила их не шумом, а ритмом. Лампочки мигали в такт, будто станция дышала. В центре главного купола висел голографический компас, который указывал не на север, а на «источник ритма». Компас слегка подрагивал, как будто ему было холодно, и от этого подрагивания становилось не по себе — словно станция сама пыталась удержать такт, но уже с трудом.

Бит-О-Навт появился сразу, как только они вошли. Его корпус переливался синими и серебряными огнями, а голос звучал так, будто он читал рэп на языке звёзд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.